

2204

ЛИТЕРАТУРНОЕ
ПРИЛОЖЕНИЕГОЛОС
ПОЭТАСтихи Николая Глазкова,
написанные в военные годы*

В ДВАДЦАТОМ веке поэзия часто поражала нас сложностью. Иногда возникали сомнения: бывает ли простота вообще? Простотой поэзия поражала нас у Глазкова.

Николай Глазков недавно ушел из жизни, но поэзия его продолжает приходить к нам. Открываются новые для нас страницы, без которых, оказывается, не только сам поэт, но и его время не может быть понято во всей глубине.

В годы войны трудно было, наверное, найти слова первичнее, изначальнонее, проще:

Люди не могут жить, как им надо,
Дни их жизни не солнечны,
Фашисты во всем виноваты —
Сволочи.

Вообще-то научиться читать стихи не очень трудно. Надо только представить себе, как поэт готовит свою маленькую победу в каждом четверостишии, например, хоть и в этом. Проведите с самим собой такой эксперимент. Закройте последнюю строчку и читайте вслух подряд три первые. Они серьезные, медлительны, протяжны во времени... Еще бы, речь ведь идет о таких тяжелых, невеселых обстоятельствах. Вероятно, и четвертая будет чем-то сходной. Война так громадна...

И вот теперь откройте эту четвертую. Правда, строфа приобрела совсем другой вид? Это, наверное, еще не сам оптимизм — но энергичное, резкое, неожиданное завершение строфы оптимизм предсказывает. Из него уже можно (и нужно!) извлечь заряд энергии. Стихи Глазкова отлично приспособлены для того, чтобы расхопиться устно, от понимающих, услышавших уже — к тем, кто сейчас поймет, услышит.

Тем не менее сознаемся, что в первый раз мы прочли четверостишие, не увидев, не оценив «мины», заложенной в него. А ведь редакторы тоже люди, они тоже спешат, они тоже могли проскочить эту «мину» — все просто, прямо-таки «простовато»...

Но ведь «просто» — значит легко, никакого труда, не так ли? Кто же не чувствует того же самого, и трудно ли это зарифмовать? Возникает тот самый навязчивый вопрос: «а в чем здесь интерес?». То ли дело неслыханные метафоры, невозобразимые ассоциации, там пока разгадаешь смысл написанного, уже удивляешься в сложности. А сложность — почти та же глубина...

Другую поэзию Глазков не отменял, но и она его не побеждала. У «простой поэзии» были свои трудности, и начинаются процитированные стихи так:

Об Отечественной войне
До Отечественной войны
Не писал. Виноват вдвойне,
Что не чуял своей вины.

Видите ли, Николай Глазков как истинный поэт был куда строже к себе, чем самые придирчивые критики и редакторы. Они могли упрекать его в чем угодно — но никому в голову не пришло бы спросить автора:

— А почему ты не написал об этой войне — до ее начала? Какое ты имел право не написать? А еще берется быть поэтом...

А сам он с себя спрашивает... Но цель тут — не показывая: «Ах, мол, простите, не увидел, прозевал...» Главное — урок. Поэт обязан говорить о будущем, предупреждать. Подумай, что же надо делать теперь, сегодня.

Итак, ты должен, обязан сегодня воплощать будущее. Иначе откуда же оно возьмется? Если солдаты не будут воевать за него, строители — его возводить, а поэт — называть по имени? О клятве его мы скажем ниже, а пока...

А пока, «исправляя вину», надо было пытаться оформить, увидеть неизбежное будущее. И тогда у поэта появились удивительно точные прозрения, вот как хоть это — сделанное в 1942 году:

Может быть, он того не хочет,
Может быть, он к тому не готов,
Но мне кажется, обязательно кончит
Самоубийством Гитлер Адольф.

А пока было голодно, холодно, трудно, как всем. Но и по-своему трудно, как положено поэту. 1943 год:

За неведомым бредущие,
Как поэты сумасшедшие,
Мы готовы предыдущее
Променять на непрошедшее.

Не тужи о нас. Нам весело
И в подвале нищеты:
Неожиданность инверсии
Мы подняли на щиты.

Так ли важно, «ожиданными» или неожиданными строчками будут выражены мысли, и чувства, и страсти? Были бы они настоящими... Поэту — важно. Интонация нужна не сама по себе, не для оригинальности, она, если честно, не может быть сменена на гладкую. Он говорит единомышленнику:

В рубцах твоих стихов раненья,
Которые в огне атак.
А те, кто лучше и ровнее,
Писать не выучатся так.

ТАК время помогает аргументировать в поэтических спорах. Помните, еще у раннего Маяковского: сегодня можно писать не о войне, но нельзя не писать войною. А Маяковский, как всегда, для Глазкова авторитет. Дело даже, наверно, не в авторитете: они и есть единомышленники.

Как и у Маяковского, у Глазкова есть строки, отрицающие войну, эту «дорогостоящую дрянь». От буржуазного пацифиз-

ма эти стихи отличаются отсутствием нытья, дряблости и — выводом, принципиальной позицией поэта.

Времени массу, труда и учебы —
Разве это не глупо —
Безжалостно тратить, чтобы
Людей превращать в трупы.

К тому же это напрасный труд:
Люди и без того умрут.

Глазков не был бы собой, если бы не кончил жалобу — усмешкой. Но он не паничил, а борясь против фашизма и, значит, против войны. «От войны» можно уйти только — на войну! Чтобы в смертном бою завоевать право на мирную жизнь. Наша война — священна, ибо она направлена против войны! И человеку, идущему воевать, Глазков возглашает — слава!

Война добавила новые аргументы к спору об образе жизни, о том, что считать достойным человека и человечества — спору, который с самодовольной Америкой вел еще Маяковский.

Вслед за «в лицо вам, толще свиных причуд, круглех ресторанных блюд, из нищей нашей земли кричу: — Я землю эту люблю!» — и Глазков набрасывал горькие, упрекающие строки:

Вечная слава героям
И фронтовое прости.

Фронт не поможет второй им,
А мог бы их жизнь спасти.

Лучше в Америке климат
И дешевизнее быт;
Но мертвые сраму не имут,
А вы отказались от битв.

Вы поступаете здраво,
Пряча фронты по тылам;
Но в мире есть вечная слава,
Она достается не вам.

НЕТ, надо было все-таки искать «второй фронт» у нас, в дополнительных усилиях своего народа. И вот рождается одно из самых радостных стихотворений военного периода «Про то, как был построен танк». Тут все сошлось: замечательный чтец Владимир Яхонтов, самый близкий поэт, участие искусства в борьбе и давняя тема «о месте поэта в рабочем строю», перерастающая в еще более давнюю тему памятника, бессмертия.

Про то, как был
построен танк

В Магнитке все пустыри в бурьянах,
Поляных и лебедах.
Владимир Яхонтов на этих полянах
Стихами построил танк.

165 тысяч были отданы в банк,
Не в пропажу.
На многолюдном митинге танк
Был вручен экипажу.

Над танком имя поэта любимого
Венчала радуга разноцветной полоской.
Догадаться не трудно, что имя его:
Владимир Маяковский.

Он родился, рос, кормили соскою,
Жил, работал, не умер, нет,
А пошел на фронт к Рокоссовскому;
Но как танк, а не как поэт.

В наших жилах кровь, а не водица,
Мы идем сквозь минометный лай,
Чтобы, умирая, воплотиться
В самолеты, танки и другие долгие дела.

Яхонтов, начавший читать Маяковского еще при самом Маяковском, друживший с ним, стал как бы связующим звеном между поэтами. Николай Глазков был его литературным секретарем и другом, и историю строительства танка «Владимир Маяковский» поэт написал прямо с его слов.

ПОЭЗИЯ участвует в борьбе и учится у борьбы, у самой жизни наблюдательности, точности, победе. Пройдет время, поэты, вернувшиеся с полей сражений, с жадностью примутся осваивать все богатства и тайны стихосложения. Возникнет, например, спор об «обратимости сравнений». Скажем, если у оленя рога ветвистые, то есть похожие на дерево, то нельзя ли сказать и наоборот: дерево — рогатое? Ведь арсенал привычных метафор сразу же удваивается.

Николай Глазков вроде бы всего только принял участие в дискуссии. Но посмотрите, как «попутно» оформилась во что-то крепкое, как соль, картина быта военной Москвы.

Стихи о необратимости
сравнений

На плитке чайник закипел,
Эмалированный, сиреневый.
И он отвлек меня от дел,
И он напомнил мне сирены вой.

...Все это было, было, было
Во тьме ночей необычайных...
Сирена выла, выла, выла...
И —
не напоминала чайник!

Глазков был против этой «новой идеи». Может быть, кто-то поругивал его «формализмом», но он отлично чувствовал, что поэзия идет от менее значимого — к более, что назад она не возвращается, что слабое, может быть, и похоже на сильное, но сильное его «не напоминает».

Вот из трудных слов, из негладких строк и рождалось ощущение победы над строкой. А уж эта, частная, победа мгновенно отсылала все мысли, и чувства, и страсти к общей, к главной.

Снарядоминный вой
Пронзает тишь полей,
Война справляет свой
Трехлетний юбилей.

Сойдет военный год
За десять мирных лет,
Мы все познали от
Разгромов до побед.

Война легла огромной тенью,
Непострадавшей нет семьи,
Но близок день освобожденья
От супостатов всей земли.

ПОСЛЕ войны он утвердился в своей легкой, веселой поэтической технике и найдет удивительные слова для этого. Повторяю, они не победят и не отменят всего остального многообразия отечественного стиха XX века, но пока их слышишь, не признаешь их победительной правоты — невозможно:

А чтобы, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью — вот.

Ясность мыслей и чувств — вот что вынес из войны «особенный», «ни на кого не похожий» поэт Николай Глазков.

А еще раньше он звал будущее, наши с вами дни, стараясь постичь их, назвать по имени. Клялся:

Все мысли, и чувства, и страсти
Мою пускай будут верны
Такому огромному счастью,
Которое после войны.

* Предоставлены вдовой поэта Р. М. Глазковой.